

К.М. СТАНЮКОВИЧ

ПОСМЕРТНОЕ ПИСЬМО

Константин Станюкович

Танечка

«Public Domain»

1890

Станюкович К. М.

Танечка / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1890

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Михайлович Станюкович

Танечка

I

Профессор математики, Алексей Сергеевич Вощинин, высокий худощавый старик, с гривой волнистых седых волос, выбивавшихся из-под широкополой соломенной шляпы, окончил копаться в саду и, поднявшись на террасу своей маленькой, спрятанной в зелени дачи, уселся в плетеное кресло у большого стола, собираясь читать только что принесенные почтальоном газеты.

День стоял превосходный. Июльский зной умерялся близостью моря, с которого тянуло приятной свежестью. На небе ни облачка. Солнце ярко и весело глядело сверху, заливая блеском небольшой сад с липами, березами и рябинами, окруженный со всех сторон густым сочным кустарником, – чистый, посыпанный песком, пестревший массой цветов в красиво разделанных клумбах. Над ними заботливо жужжали пчелы и весело порхали бабочки, присаживаясь на цветы. В золотистой дымке воздуха кружилась мошка. Воробьи задорно чирикали, храбро подпрыгивая на ступени террасы за хлебными крошками. Кругом царила тишина.

Прежде чем приняться за газеты, старый профессор поглядел и на даль тихого моря, и на чернеющие пятна фортов кронштадтского рейда, и на дымок виднеющегося на горизонте парохода, и на белую ленту дороги внизу, вдоль берега, и весь этот давно знакомый ему пейзаж, видимо, производил на старика тихое, радостное впечатление, словно при встрече с испытанным старым другом.

Вощинин любил эту местность, эти три, четыре десятка домиков немецкой кронштадтской колонии, ютившихся в садах, на небольшой возвышенности, над берегом Финского залива, в пяти верстах от Ораниенбаума. Эта окрестность Петербурга, относительно довольно глухая, не оравленная еще железной дорогой, музыкой, театром, многолюдством, разряженными дачницами и тщеславной суетой модных дачных мест, нравилась Вощинину своей тишиной и близостью моря, и он, вот уж пятое лето, проводил в этом месте вакации вместе с Танечкой, своей единственной дочерью, от недолгого и не особенно счастливого брака с ее покойной красавицей матерью.

Здесь профессор отдыхал от Петербурга: копался в саду, с любовью ухаживал за цветами, бродил в ближнем лесу, сиживал на берегу моря, писал, не торопясь, давно начатый мемуар о бесконечно малых величинах, читал журналы и удил окуней на ряжах, забывая на все лето столичную суету, университетские дразги и свой профессорский, подчас тесный хомут.

– А ведь хорошо! – невольно сорвалось с губ старого профессора.

И на его хорошо сохранившемся лице, вдумчивом и добром, опущенном большой седой бородой, придававшей профессору вид патриарха, засветилась тихая довольная улыбка, полная чарующей прелести кроткого, детски-наивного выражения.

Он повернул голову к открытому окну, выходявшему на террасу, и громко проговорил:

– Не правда ли, чудный сегодня день, Танечка?

– Да, папа. Отличный день! – отвечал из глубины комнаты твердый молодой серебристый голосок.

– Что ж ты сидишь в комнате?

– Платье оканчиваю, папочка. Ведь ты обещал в воскресенье идти со мной в Ораниенбаум на музыку. Мы пойдем, не правда ли? – прибавила Танечка с нежной, ласкающей интонацией.

– Конечно, конечно, если тебе хочется! – ласково отвечал старик и в то же время подумал: «Что интересного находит Танечка на этой глупейшей музыке?»

«А впрочем, ей ведь скучно без развлечений... Молодость!» – тотчас же оправдал он Танечку.

– А ты что делаешь, папа?

– Сейчас буду газеты читать.

– Смотри, только не возмущайся!

– Постараюсь, Танечка! – весело сказал старик и прибавил: – Да что это Петра Александровича нет, Танечка?

— А не знаю.

— Уж не поссорились ли вы вчера?

– Я вообще не ссорюсь. Да и не из-за чего с ним ссориться!

– Обещал быть к часу и не приехал. Пожалуй, и совсем не приедет.

– Приедет! – произнесла Танечка с небрежной уверенностью.

Наступило молчание. Старик стал было читать телеграммы, но, не дочитав их, снова заметил:

– А славный человек этот Петр Александрович! Не правда ли, Танечка?

– Отличный, папочка. Такая же Эолова арфа, как и ты.

В молодом веселом голосе прозвучала едва заметная ироническая нотка.

Но старый профессор этой нотки не уловил и оживленно продолжал:

– И главное, Танечка, с сердцем человек. Нет в нем этого противного нынешнего индифферентизма... Искорка божия горит в Петре Александровиче, и чуткая совесть есть. Небось из него самодовольный ученый болван не вышел... Самомнением он не грешит и своего бога не продаст... Это, Танечка, дорогая черта.

– Влюблен ты в своего доцента! – со смехом проговорила Танечка... – Послушать тебя, так он совершенство...

– Совершенства нет, девочка, а что человек он хороший – это вне сомнения. И голова светлая!.. Работал-то он как, если бы ты знала!.. И всем обязан себе одному... Перед нашим братом профессором не юлил... Ни к кому не забегал... За все это я его и люблю. И он нас любит.

– Тебя в особенности, папа, – вставила Танечка.

– И тебя не меньше, я думаю. Пожалуй, и больше... Как ты думаешь, Танечка?

— Думаю, что ты ошибаешься. Со мной он больше бранится, папочка, и постоянно спорит.

– Горячий он, потому и спорит. А он привязан к тебе... А ты? – неожиданно спросил

старый профессор шутливым тоном.

– К чему ты спрашиваешь? Точно не знаешь, что и очень расположена к Петру Александровичу! – спокойно ответила Танечка.

Старик профессор сконфузился и торопливо проговорил:

– К чему спрашиваю? Так, к слову пришлось, ну... ну и спросил.

И он решительно принялся за газеты.

Но читал он их сегодня рассеянно и, не dokonчив чтения, задумался.

II

– Ну, что нового в газетах, папочка?

С этими словами Танечка вошла на террасу и, приблизившись твердой, уверенной походкой к отцу, поцеловала его в лоб.

При виде своей Танечки старик весь просветлел. Во взгляде его светилось столько любви, восторга и умиления, что сразу было видно, что отец боготворил свою дочь.

Она вся сияла блеском молодости, свежести и красоты, эта невысокого роста, отлично сложенная, с пышными формами блондинка, лет двадцати двух, с красиво посаженной головкой на молочной, словно выточенной шее, с большими серо-зелеными глазами и роскошными золотистыми, зачесанными назад волосами, вившимися на висках. На ней было летнее голубое платье с прошивками на груди и рукавах, сквозь которые виднелось ослепительной белизны тело. На мизинцах маленьких холеных рук блестели кольца.

Наружностью своей она нисколько не походила на отца.

У профессора было сухощавое, продолговатое, смугловатое лицо с высоким лбом, из-под которого кротко и вдумчиво глядели темные, еще сохранившие блеск глаза, и вся его интеллигентная физиономия дышала выражением той одухотворенности, которая бывает у людей мысли.

Чем-то слишком трезвым и житейским, законченным и определенным веяло, напротив, от всей крепкой, грациозной фигурки Танечки, от ее круглого хорошенького личика с родимыми пятнышками на пышных щеках, с задорно приподнятым носом и алыми тонкими губами, – от ее больших глаз, ясных и уверенных, во взгляде которых светился ум практической натуры.

Она стояла перед отцом свежая, блестящая, спокойно улыбающаяся, показывая ряд красивых мелких белых зубов, видимо привыкшая, что ею любуются, и сознающая свою власть над любящим сердцем старика. Что-то грациозно-кошачье было и в ее позе и в ее улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.